

An impressionistic painting of a forest scene. The background is filled with numerous birch trees, their white bark and thin trunks standing out against a dense canopy of autumn foliage in shades of yellow, orange, and brown. The brushwork is visible and textured, giving the scene a sense of movement and light. The overall mood is serene and contemplative.

Дмитрий Волчек

**ЕЩЁ РАЗ ПРО
КРАСНОГО ВОРОБЬЯ**

Рассказы

Дмитрий Волчек

Ещё раз про Красного Воробья

«Издательские решения»

Волчек Д.

Ещё раз про Красного Воробья / Д. Волчек — «Издательские решения»,

Несколько философско-эротических рассказов на основе автобиографического материала автора. В основном относятся к периоду работы его водителем в Хабаровском трамвайном депо.

© Волчек Д.

© Издательские решения

Содержание

Ещё раз про Красного Воробья	6
Её огненный цвет	11
Конец ознакомительного фрагмента.	13

Ещё раз про Красного Воробья

Рассказы

Дмитрий Волчек

© Дмитрий Волчек, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Ещё раз про Красного Воробья

Я неделю как в чужом городе. Раньше я бывал тут. Была уже попытка схлестнуться с этим великолепным и ужасным городом-спрутом, но безуспешная. Он меня вышвырнул. Не знаю, из-за этого или по какой другой причине, но жизнь моя пошла наперекосяк... И вот я вернулся. Через много-много лет.

Что-то потускнело, впечатления уже не так яркие. Поражают деревья, их мягкая, обволакивающая тебя тоска, их почти бесформенное, пустотелое трепетанье... Они – за меня, это точно!

Я брожу по шумным улицам. Моё сердце раскрывается как ракушка, город проникает в него, и в нём больше нет страха. Оголтело-смешные горящие, зазывающие вывески, повсюду наклеенные разноцветные объявления с номерами телефонов проституток... Смех и трепет мегаполиса на краю моря.

Повсюду смешанный говор.

– Но это мне как минимум четырёх человек надо найти... Да, на следующей неделе он прилетает, и мы договорились о встрече... Ладно, потом отзвонюсь, – это вся из себя деловая, прижимающая мобильник плечом к уху. Ухоженная, загорелая кожа. Наверно, и в постели такая же деловитая...

На той стороне канала солнце отчётливо вырезает контур здания, как бы сделанного из прозрачно-розового крема. Вездесущие, неистребимые ханыги со своим беспардонным: «Десяти рублей не будет?». Собственно говоря, я от них недалёк, тоже почти на краю пропасти. Денег, тем более их нет, никогда никому не даю, не пытаюсь подкупить судьбу, снискать её милость.

Далёкие-далёкие воспоминания. Один из островов города, предновогодняя суета. Подсвеченный сгущающимся закатом снег, стеклянный ветер. Мучительный выбор продуктов для праздника, чтоб уместилось всё в скромный студенческий бюджет... Молодость и чистота, и скопище туманных, пронзительных надежд в голове – как дым заката! Помнится, ужасно нравилась одна девчонка. Хотелось её – а вместе с нею и весь мир. Но как сформулировать в письме к Деду Морозу такое пожелание? Да и цензура, какая-нибудь комиссия из седобородых пыхтящих гномиков в смешных колпаках, не пропустила бы: вышел уже из того возраста!

Всё повторяется. И сейчас такая же безответная любовь, от которой сбежал за тысячи километров. Плюс к тому – приступы какой-то дикой, разнузданной и не находящей себе исхода похоти. Причём проявляется она не столько физически, а чадит в душе, как разбрызгивающийся факел электросварки.

Еду в троллейбусе. Рядом садится девушка. Поначалу не обращаю на неё внимания. Смотрю на проплывающие в стекле, как в матовом экране, кварталы проспекта, на дома с вычурной каменной резьбой и огранкой, несущие на себе ословелые негой вздохи столетий. Слушаю в пол-уха сетования кондуктора кому-то на свою неблагодарную работу.

Потом взгляд привлекает глянцевый блеск голых, в короткой юбке, ног моей попутчицы. Неподальёку, лицом к нам и ниже, сидит седовласый пожилой мужчина. И мне кажется, девица нарочно прираздвигает ножки, как бы дразня и приглашая его заглянуть ей под юбку. Она опускает задранные выше лба солнцезащитные очки на переносицу, прячет свои глаза. Меня враз охватывает какое-то непонятное состояние. Какой-то мучительный, сияющий как чешуя соблазн вседозволенности. Кровь закипает, волнение стискивает грудь. Моя рука как бы невзначай соскальзывает с колена и миллиметр за миллиметром, незаметно придвигается к её ноге... И наконец касается чудесной, бьющей то ли током, то ли солнечным ударом кожи!

Некоторое время девушка никак не реагирует. Едет, застыв, как олицетворение молчания, как полуобнажённая фигура на носу корабля. Потом, когда троллейбус подъезжает к остановке, вдруг резко встаёт и выходит.

Я прихожу в себя. Мне стыдно.

Всё никак не устроюсь на работу на новом месте.

Забрёл как-то в комиссионный магазинчик в полуподвальном помещении. Спустился по шербатым каменным ступеням в его прохладу, осмотрелся. Разнокалиберная мерцающая тускло утварь, всякая всячина.

Приобрёл сборник рассказов Бунина за 20 руб. И расплачиваясь, увидел за спиной продавца стопку ещё не выложенных на витринные полки книг. Поинтересовался на всякий случай:

– А эти продаются?

Тот взглянул на меня поверх очков. Бесцветно как-то посмотрел.

– Ещё не оценены.

– Да... жаль. А вот эта, сверху, как по-вашему, сколько будет стоить?

Обложка была серебристой.

– Эта? Ну... рублей сто, – не растерялся антиквар. – Хотите взять её?

– Да, пожалуй.

Я как раз последнее время зачитывался этим писателем. И тут вот неожиданно... Последний из написанных им романов. Как сказано в аннотации, его «лебединая песня».

Песня оказалась тягостной. Какая-то странная фантаσμαгория. Всё было пронизано ожиданием смерти, неприглядного, грубого и безапелляционного её вторжения в плавное течение бытия, обрывающего его. Отменяющего всё что дорого.

Я думаю о том времени, когда писатель был молод. И о времени, когда он ещё не был стар. Его неконформизм, противопоставление себя обществу оболваненных сытых полуроботов, функционирующих в единой бездушной социальной системе... Вспоминаю случаи из его

жизни, описанные в его книгах. Вот он как-то раз очнулся ранним утром где-то на задворках, на помойке, после пьяной драки в баре, и кто-то «услужливо» стянул его кошелёк... Вот он пытается устроиться на ночлег на скамейке в каком-то скверике возле церкви, но полицейский, тыча дубинкой в рёбра, прогоняет его...

Неустроенность, шатания из одного меблированного номера в другой, в поисках временной работы, от рюмки к рюмке, от женщины к женщине. И во всём была тёмная сила любви и призвания, его зов. Мягкий снег надежды и мечты, скрипящий под ногами, белеющий в ночи. Знак отверженности и избранничества. Он был выше, он был сильнее. Он был не таким как все. И это подпитывало его мощной энергией, давало жить и творить.

Прошли годы, много лет. И он стал таки всемирно известен. Всё пришло: удача, слава. Деньги. Он познал все тонкости литературного мастерства, стал искусен. Он научился создавать реальность. Научился вкладывать слова и действие в актёров кино, по сути – марионеток, как бы они ни были талантливы и знамениты. Вдохнуть в них жизнь. Он почувствовал себя богом.

Он прогуливался по осенним бульварам города ангелов, высокий седой старик в хорошем костюме, как всегда под шофё. И понимал, что всё это, всё достигнутое не даёт ему никакого преимущества в играх со смертью. Что это тело скоро перестанет двигаться, а глаза – видеть, что всё прекратится. Что он, победитель в такой долгой и трудной борьбе, он всё-таки в конце концов проиграет. И с этим ничего не сделаешь.

Всё это есть в книге. Там есть Леди Смерть и один французский писатель, который вроде бы как ненадолго обманул её. Там фигурирует сыщик, который так и не распутал своё самое сложное дело, самую мучительную загадку – загадку жизни. И когда в конце ему выпускают три пули в живот, он видит наконец-то мифического Красного Воробья, которого так долго искал. И тот поёт умирающему песню невероятной мощи и красоты.

Есть, конечно, в романе великолепные, сильные места, не могут не быть. Например: «Я задумался о том, как приходят решения в жизни. Людям, которые что-то решают, помогают большое упорство и удача. Если упорствуешь достаточно долго, то как правило, приходит и удача». И многие места, некоторые строчки в книге были подчёркнуты красным карандашом.

Вероятно, кто-то читал её очень внимательно, кому-то она была дорога. Может быть, нужда заставила этого человека сдать её, вместе с другими книжками, в комиссионку. Она немножко пахла сыростью, словно была пропитана слезами и желтизной осени. И я решил вернуть эту вещь бывшему владельцу. Это было бы правильно и справедливо. Всё равно она мне не очень понравилась, по сравнению с другими произведениями этого автора. Хотя, быть может, всё объясняет эпиграф: плохой литературе посвящается?

Книга жгла мне руки. Она была как серебряный слиток, из которого вырывалось пламя – будто красное оперение мифической птицы, долбящей клювом изнутри. Я положил её в пластиковый пакет и вышел на улицу.

Меня охватил солнечный ветер и переливающееся в голубовато-белёсом пространстве золото листьев. Хотя деревьев мало кругом, больше асфальта и камня. Июльская жара, дарующая лишь местами, в тени шипуче-лимонно-мятное и ласковое дыхание прохлады. Дребезжание трамваев, снующие машины. Люди, слишком много людей. Изящная и величественная,

опять-таки местами, архитектура. Но всё ещё как будто не совсем сбылось, всё словно некий набросок нарождающегося сознания.

Такое ощущение, что горожане не особо озабочены выбором своего гардероба, мне нравится их простота в этом. Я тоже просто в сандалиях, джинсовых шортах и безрукавке. Иду, уже несколько отклонившись от маршрута, как Алиса за белым кроликом, за шикарным женским задом в полупрозрачной земляничного цвета юбке. Ветерок колышет её. Ягодицы незнакомки совершают волнообразные круговые движения, вздуваются упруго как воздушные шарики, задорно поигрывают, маня... Переменчивые очертания их неуловимы, но притягательны и совершенны! Эта фантастическая жопа просто завораживает, я пытаюсь представить её без ничего... Но вот девушка ускорила шаг. И мне нужно в иную сторону.

Магазинчик располагался на какой-то там по счёту из улиц с одинаковым названием, ещё из советской поры. Хозяин – или просто наёмный продавец – занимался перетаскиванием каких-то коробок в подсобное помещение. Чтобы не отвлекать, я побродил немного, насколько это было возможно, по тесному периметру, загромождённому выставленными, словно нелюбимые дети, на продажу вещей.

– Вас что-то интересует? – То же бесстрастное и сухое интеллигентное лицо. Тот же бесцветный взгляд. Очки. Кого-то он мне напоминал? Нет, вряд ли. Я несколько сбивчиво объяснил цель своего визита: ведь должны же быть у вас какие-то координаты, номера телефонов ваших клиентов. Не могли бы вы...

Если мой собеседник и был удивлён, всё-таки не каждый день наверно такие посетители, с такими необычными просьбами, то по его виду этого нельзя было понять.

– Боюсь, что ничем вам не смогу помочь. Боюсь, что бывшего владельца уже нет... нет в живых, – уточнил он, чуточку разведя руками.

Несколько ошарашенный – а ведь такой оборот дела вполне можно было предвидеть – я отправился восвояси. Ну конечно, наследники распродают вещи умершего старика или старухи, ненужный им хлам. А разве обязательно этот некто был так уж стар?

Чьи руки держали вот это, листали эти страницы, кто уносился в мысленную над-реальность, узрев что-то между строк... а вернее открыв неожиданно это что-то в себе – этого я уже никогда не узнаю. Не суждено. Про этого человека я буду явственно помнить только одно – его отсутствие, его смерть. Смерть... Она умножилась несколькократно в зеркалах прошедшего и явила себя в настоящем. Писатель, изображающий гибель своего героя, сам уже упокоившийся... его неизвестный благодарный читатель, также присоединившийся к нему... я... Да, только смерть продолжается вечно и вербует себе всё новых и новых адептов, не ожидая от них ни поклонения, ни любви, ни страха – просто бесстрастно принимая всех в своё лоно. В своё обесцвеченное и обездвиженное «никогда». Никогда будет идти снег. Никогда взметнутся в тёмное, в россыпи звёзд, небо мосты. Всё будет в цветах, всё сбудется никогда... Сцена будет пуста и чисто выметена. На ней останется один-единственный актёр. Он же и зритель.

Снаружи ликовал, остывая, день. Солнце завалилось за крыши домов. Я положил книгу на угол невысокой оградки, идущей вдоль газона, и ушёл не оборачиваясь. Боясь нарушить тишину. Боясь, что обернувшись увижу на том месте чудовищно прекрасное существо огнен-

ного цвета, пернатое. И тогда тонкая грань разума пошатнётся, перестанет отделять явь от вымысла, от сна.

Её огненный цвет

День – это слишком долго. Он как целая жизнь предстоит пред тобой, с такими же неожиданными поворотами. Вот вроде настроился железно. И тут вдруг или дёрнется ветка дерева, или на близлежащей стройке что-то застучит, или сквозь мелькающие кадры телевизора выстроится вдруг какой-то светящийся тоннель в бесконечность, или кто-то что-то скажет, – и всё, вся решимость пропала. По неизвестной причине, не поддающейся рациональному истолкованию... Хочется схватить телефон и написать ей смс или позвонить. Но нельзя. Это табу.

Нельзя. Надо быть мужчиной. Ведь тебе хорошо так за сорок уже!.. Ты по-прежнему видишь сны и по-прежнему веришь, что однажды в морозном вьюжном великолепии мечта твоя обернется прекрасной розовощёкой феей, протянет к тебе руку смеясь... И фонари заискрятся бенгальскими огнями. Что несколько слов, сказанных чьим-то гортанным голосом по-древнеарамейски, превратят пустыню твоей души в цветущий сад.

Но что ей твои мечты, что ей твои «бредовые фантазии»?..

Один из последних разговоров с ней:

– Послушай, но ведь это не может продолжаться до бесконечности! Определись же наконец, с кем ты... К чему ты стремишься? Тебе нужен мужчина, который мог бы тебя вести по жизни, знал бы, куда и зачем!.. А ты всё за этими машинёшками гоняешься! Так это он тебе деньги дал недостающие на неё?

– Нет не он... Ну что ты пристал?? Ну хочу я машину! Может быть, это единственная светлая идея у меня... Вот возьми ты купи! – видно было, что начинает злиться. Хитроумненькие, изменчивые искорки в глазах; ресничками как бы отхлопывается от всяких обвинений и неодобрения. Губки чуть кривятся негодуя... О да, светлоликая принцесса, ты безупречна, неподсудна!.. «Пипетку» свою ведёт уверенно, даже как-то немного по-мужски. Мотора почти не слышно. Большая фура застыла на повороте, преграждая путь. Она в нетерпении постукивает ножкой в лёгком сандалике, ругается как сапожник. Испорчена... и невинна как дитя!

Пытаюсь ещё что-то говорить; уговариваю, убеждаю, в красноречии отчаянья.

– Опять нудишь! – резко обрывает она.

Вечереет. Впереди от фар побежали уже конусообразные снопы света. Таким я люблю город: в предвечерней мягкой поволоке, в робком пробуждении фонарей; в прозрачности звуков, в ниспадающей тихими складками тайне. Устремлённые ввысь серебристокрылые тополя.

Мне хочется погладить её по ноге, добраться до тёплой промежности, потискать, помять, но по опыту знаю, что крику не оберёшься. Тем более в движении. Хотя порой относится индифферентно, безучастно к такого рода «подкатам». Особенно когда суетится по дому, убирается в машине... Застигнув её в особо пикантной позе, запускаю ладонь меж ягодич, прохоживаюсь легонько вдоль половых губок. Главное, чтоб это были осторожные, как оседающий иней, касания, а не по-хозяйски грубые заграбастывания. Тогда рыжая тигрица делает вид, что ничего не замечает.

Что же происходит между нами? Не жена, не подруга. Ну, изредка – любовница...

Плыла луна. И город больше не был городом – он был дном лунного океана. Очертания деревьев казались барельефами черноты. Я был захвачен врасплох простирающейся кругом близостью ночи, её дыханием, жалящими иголками звёзд. Я подходил к уютному чистому гнёздышку моей наперсницы в общежитии-«малосемейке». В пальцах правой руки, чуть наотвес – тёмно-алая роза. Где-то далеко-далеко за домами ещё угадывался отсвет догорающей в туманных водах реки зарницы. Было тихо, безлюдно; лишь лёгкий шелест, лишь розданные, по Маяковскому, одиноким окнам жёлтые карты. И вдруг я понял, что время течёт внутри меня, царапая порой внутренности подобно изящному дикому цветку, который рвался у меня из рук! Его лепестки были спутаны и влажны, как лепестки влагалища, чей аромат я так любил вдыхать! Не было никаких гарантий, и особенно – гарантий любви, близости, взаимопонимания, тепла... Нет, один риск, сплошной, смертельный риск, когда ставишь на карту всё: душевный покой, жизнь, будущее...

В её квартирке царил полумрак. Я стаскивал короткие беленькие шорты с её мягкой, податливой задницы. Переворачивал её на спину и входил «по самые помидоры» в неё, в её невероятно чудесную, восхитительную, волнующую до полуобморока глубину... Соски её оживали, выпячивались под моими поцелуями и покусываниями.

Утро казалось серым. Всё было покрыто его пеплом. И моя любовь была размазана по покрытому клеёнкой столу, по кухонной плите, по холодильнику... какими-то невзрачными бледными пятнами. Она билась, как сердце, где-то снаружи, за окном, на улице... и я слышал этот затихающий апокалиптический звук. Всё словно замерло. Надо было начинать день, жизнь сначала, с нуля. Я пожарил яичницу, сделал два бутерброда, навёл кофе как она любит. И отправился в покои спящей царевны, будить её.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.